

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ — 1977

Г. Ф. БЛАГОВА

АНДИЖАНСКИЙ ГОВОР ПО МАТЕРИАЛАМ
«БАБУР-НАМЕ» (РУБЕЖ XV-XVI ВЕКОВ)
И СОВРЕМЕННЫМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ
ОПИСАНИЯМ

В настоящее время в связи с разворачиванием работы над сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков возрастает актуальность комплексных исследований, построенных на использовании как историко-языкового материала, так и современных диалектных данных¹. В подобных комплексных исследованиях целесообразным оказывается применение методических приемов лингвогеографии к современному материалу и методов ареальной лингвистики к историко-языковым данным². Нами принята методика синхронических срезов — исторических и современных — и их сопоставления на базе принципов типологии близкородственных языков; это сопоставление осуществляется при помощи процедуры наложения выделенных морфологических подсистем на каждый срез.

Вместе с тем чрезвычайно важно осуществлять такие комплексные ареально-типологические исследования с учетом имеющихся показаний истории и исторической этнографии. В этом смысле бесценны весьма редкие показания современников изучаемого исторического периода о языковой ситуации в их время.

Для рубежа XV—XVI веков мы располагаем уникальным свидетельством, как мы сказали бы теперь, об «опорном диалекте средневекового среднеазиатского тюркского письменно-литературного языка», о его «диалектной базе». Наследник Ферганского удела, смолоду княживший в Андижане, а впоследствии ставший основателем династии Великих Моголов в Индии, Захир эд-Дин Мухаммед Бабур в своих «Записках», констатируя, что в Андижане «в городе и на городском базаре» говорили по-тюркски, подчеркнул особо: «речь населения Андижана согласна с письмом, в силу чего произведения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [писаны] на этом языке»³.

Это высказывание, всегда привлекавшее внимание специалистов⁴, интересно тем, что именно с литературно-лингвистической деятельностью

¹ «Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет». — «Советская тюркология», 1972, № 6, стр. 16.

² Об ареальной лингвистике в данном понимании см.: Э. А. Макаев. Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. М., 1964, стр. 16 и след.; Д. И. Эдельман. Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968, стр. 3—4 и след.

³ См.: «Бабур-наме. Записки Бабура». Ташкент, 1958 (далее в тексте — БН Т), стр. 12.

⁴ См., например: В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и поэтическая жизнь. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 106; А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. — В сб.: «Алишер Навои». М.—Л., 1946, стр. 98—99.

Алишера Навои связана коренная реформа среднеазиатско-тюркского письменно-литературного языка XV века. Общеизвестным является положение о том, что в сочинениях Навои представлен качественно совершенно новый язык⁵; Навои утвердил окончательную победу *й*-языка над *д*-языком⁶.

Навои и Бабур — его единомышленник и последователь в вопросах языка⁷ — не могли не видеть возросший социальный престиж родного тюркского языка в тимуридских государствах. Оба они отчетливо сознавали его основное грамматическое ядро, которое и стремились внедрить в языковую структуру своих, прежде всего прозаических, произведений. Разумеется, и тот, и другой — один в большей, другой в меньшей степени — воздавали дань письменно-литературной традиции, продолжавшей сохранять силу своего воздействия и известную жизнеспособность.

Наперекор этой традиции, в морфологию прозаического варианта тюрки при Навои и Бабуре внедряется «карлукский» (современный уйгурско-узбекский) тип склонения — без формативного различия именной и посессивно-именной парадигмы и с тенденциями аналогического выравнивания местоименной парадигмы.

При сопоставлении падежного склонения и других звеньев морфологической системы, как они представлены в языке «Бабур-наме» и в современном андижанском говоре узбекского языка, мы пользуемся описанием этого говора, выполненным С. Ибрагимовым⁸. В трактовке падежных форм современного андижанского говора мы придерживаемся принципа противопоставления типов тюркского склонения на основе неодинаковых по языкам результатов перекрещивания категорий падежа и принадлежности⁹. Исходя из такого понимания, в современном андижанском говоре можно отметить преобладание уйгурско-узбекского типа склонения, которое, однако, не является абсолютным. Дело в том, что присущее этому типу склонения правило формального неразличения всех трех парадигм (именной, посессивно-именной, местоименной) и обуславливающее это неразличение употребление падежных показателей только с консонантическим началом действует в андижанском говоре с ограничениями. Ограничения эти касаются лишь одного падежа — родительного-винительного — в посессивно-именной и местоименной парадигмах, при-

⁵ См.: Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках, — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 89.

⁶ С. Е. Малов. Мир Алишер Навои в истории тюркских языков Средней и Центральной Азии. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1947, вып. 6, стр. 479.

⁷ Для Бабура «Алишер бек был человек бесподобный» — и как поэт, слагавший стихи на тюркском языке, и как покровитель науки и искусства (БН Т, стр. 198). В уже зрелом возрасте Бабур проанализировал «стихи и газели из четырех диванов Алишера бека, распределив их по размерам» (БН Т, стр. 288). В свою очередь Навои в «Суждении о двух языках» признавал у юного Бабура «высокий дар» поэтического слова [Алишер Навои. Сочинения в десяти томах, т. X. Ташкент, 1970 (далее — Н СДЯ), стр. 133] и пытался завязать с ним переписку. Об этом Бабур сообщает: «Когда я в этот раз вторично взял Самарканд (906 г. х. / 1500—1501 гг. — Г. Б.), Алишер бек был еще жив. Ко мне однажды даже пришло от него письмо. Я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненный мною тюркский стих; раньше, чем успел прийти ответ, начались неурядицы и смуты» (БН Т, стр. 103).

⁸ С. Ибрагимов. Узбек тилининг Андижон шеvasи. Тошкент, 1967 (далее — АШ). Любопытно отметить, что среди информантов покойного диалектолога двое были из рода «тюрк» — «тюрк уруғидан» (АШ, стр. 255, 256). Как известно, «тюрками» себя называли и Навои (он был из рода «барлас»), и Бабур.

⁹ См.: Г. Ф. Благова. О типах и структурных разновидностях падежного склонения в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1.

чем исключительно в тех частях, которые охватывают первые два лица единственного и множественного числа. Здесь представлены оба варианта падежного показателя — с консонантическим началом и без него, то есть -пi и -i. Так, в местоименной парадигме отмечается: *бъз-нъ* | *бъз-дъ* | *бъз-ъ* 'нас', 'наш', *съз-дъ* | *съз-ъ* 'вас', 'ваш', но *улар-дъ* | *улан-нъ* 'их'. Примерно та же картина в посессивно-именной парадигме: *эт-ъйъз-ъ* | *эт-ъйъз-дъ* 'ваше имя' (ср. склоняющееся по той же парадигме местоимение *бъз* 'сам': *бъз-ум-ъ-къ* 'принадлежащий мне самому', *бъз-ъмъз-ъ-къ* 'принадлежащий нам самим'; правда, здесь из этой вариативности оказалось исключенным и 2-е лицо единственного числа, при показателе которого используется обычный аффикс -пi: *към-ъй-нъ* 'кого (-то) твоего', *нъме -й-нъ* 'чего (-то) твоего'; тот же самый -пi (без возможности вокалических вариантов) наблюдается при аффиксах принадлежности 3-го лица: *бъз-ъ-нъ* 'его самого', *към-ъ-нъ* 'кого (-то) его', *э:злардан онтэ-съ-нъ* 'десятерых из членов' (АШ, стр. 147, 149, 152, 155, 168, 174). В других падежах отклонений от уйгурско-узбекского типа склонения не отмечено.

Перед нами — неокончателный результат влияния именно кыпчакского, а не огузского типа склонения, потому что как раз в кыпчакском типе различие показателя вокалического и показателя с консонантическим началом носит характер не фонетический, а грамматический, — иными словами, это различие не тотально, оно не распространяется на все три парадигмы, как в огузском типе, а затрагивает посессивно-именную парадигму и частично — местоименную (в объеме охвата различия есть, например, в казахских говорах), не касаясь именной парадигмы. Примерно таким же распределением характеризуется вибрация показателей родительного-винительного падежа -i ~ -пi в андижанском говоре.

Еще более значительны несходства в области глаголоизменения: Здесь, прежде всего, заметно не совпадают наборы временных форм в языке Навои и Бабура, с одной стороны, и в современном андижанском говоре, с другой. В языке Навои и Бабура не встречаются, например, такие современные формы, как настоящее конкретное на -йэн (*бэрийэнэн*, *бэрийэнэн*, *бэрийэнтъ*, *бэрийэнтъз*, *бэрийэнтъз*, *бэрийэнтъз*) и прошедшее конкретное на -вэрдъ (< -ъб *йъбэрдъ*: *кетвэрдъм*, *кетвэрдънг*, *кетвэрдъ*), которые в говоре употребляются регулярно (АШ, стр. 200, 204). В качестве прошедшего длительного здесь зафиксированы, наряду с известной Навои и Бабуру формой на -а:рдъ, еще и не употребляемая ими форма на -а:ттъ и -а:сдъ (*бэра:рэдънг* | *бэра:ттънг* | *бэра:сдънг* — АШ, стр. 210, 211). В качестве одного из будущих времен в говоре стало регулярно спрягаться отмеченное у Навои и Бабура причастие на -а-дур-ган (> -адъгэн | -адэгэн: *йъзадэгэмэн* | *йъзадэгэмэн*, *йъзадэгэнсэн* | *йъзадэгэнсэн*), а также столь же регулярно выступать с модальными показателями *эди*, *экан*, *эмши*, переводящими его в план прошедшего времени (АШ, стр. 214, 215). Эти отпричастные временные формы можно истолковывать как последующее развитие причастия в аспекте укоренения его в предикативном использовании.

Из форм, используемых Навои и Бабуром, в современном говоре не отмечены прежде весьма частотные времена: будущее на -yusi dug, будущее желательное на -yaj и желательное в прошедшем на -yaj e(r) di, а также ограниченно встречающееся прошедшее данного момента на -a dug e(r) di.

Отмечаются семантические несоответствия некоторых из материально совпадающих временных форм: так, например, у Навои и Бабура имеется настоящее-будущее на -иг, тогда как в современном говоре — это будущее время. В качестве настоящего оно используется только с модальным показателем *экан* (АШ, стр. 199, 212).

Показательной для сопоставления чертой является выражение множественного числа в глагольной форме 3-го лица и характер согласования подлежащего со сказуемым во множественном числе. Наряду со случаями нулевого показателя множественного числа в глагольной форме 3-го лица, а, следовательно, и отсутствия согласования в числе, в «Бабур-наме» в глаголе 3-го лица множественное число передается показателем *-lag*; им же чаще всего оформляется и именное подлежащее, то есть налицо четкое согласование во множественном числе посредством аффикса *-lag*. Возможно, что четкость такого согласования обеспечивалась именно книжно-письменным воздействием, причем не только собственно тюркским, но и иранским. Между тем для современного андижанского говора характерен принципиально иной способ выражения множественности в глаголе 3-го лица: для этого используется показатель взаимно-совместного залога *-š-*. Например: *улар бор-виш-ар* 'они пойдут'. И этот способ пронизывает парадигмы всех временных форм, всех наклонений.

Следует сказать, что подобное использование аффикса *-š-* не было чуждо и языку Бабура и Навои, однако там этот аффикс никоим образом не мог претендовать на роль выразителя глагольной множественности уже потому, что эта роль была занята иным регулярным средством — аффиксом *-lag*. Собственно, именно на взаимно-совместное значение аффикса *-š-*, указывал Навои, приравнивая его к значению арабской породы «муфа'ала» в своем «Суждении о двух языках» (Н СДЯ, стр. 120).

Аффикс *-š-* в значении глагольной множественности представляет собой явление ареальное: его изоглосса объединяет андижанский говор узбекского языка с киргизским языком и его северными и северо-западными говорами. Ареальный подход к этой черте андижанского говора выявляет ее происхождение: она воспринята от соседнего киргизского языка и его говоров. Это подтверждается и данными этнографии: компактными группами киргиз-кыпчаки на теперешней территории Узбекской ССР жили главным образом в Андижанской области¹⁰.

Перечень несходств может быть продолжен на примере такой частной глагольной подсистемы, как имена действия. В языке Бабура и Навои здесь ведущую роль играло имя действия на *-taq*, располагавшее большим числом производных времен, в том числе и регулярно спрягаемых, как, например, настоящее длительное на *-taq-ta*, прошедшее длительное на *-taq-ta e(r)di* и ряд перифрастических конструкций с *-taq*. Конструкции долженствования — необходимости — возможности с предикативно-модальными словами *lâzim — kerak — mümkin* имели в качестве смыслового компонента имя действия на *-taq*. Заметное место занимали также производные от старого имени действия на *-yu*. Форма на *-(i)š* тяготела скорее к отглагольным именам, чем к именам действия.

В современном андижанском говоре картина совершенно иная. Ведущее место в подсистеме имен действия занимает имя действия на *-(i)š* — не только по частотности, но также и по тем ключевым позициям, в которых оно выступает. Оно сочетается с модально-предикативными словами *mümkin, kerak* (*чыкышъ мумкѣн* 'ему можно выйти'). Оно же выполняет функции инфинитива, оформляясь дателью-направительным падежом и обозначая цель (причину) главного действия: *сѣз(н)ѣ корѣшкѣ келдѣм* 'Я пришел Вас повидать'. Имя действия на *-(i)š* в дателью-направительном падеже проникло также в начинательную конструкцию:

¹⁰ К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974, стр. 113.

бэр-ъш-кэ бэшладъ 'начал ходить' (АШ, стр. 152, 153, 222, 236). В андижанской начинательной конструкции закреплена кыпчакская модель; сравните принципиально иную модель, построенную на сочетании с депричастием на -а, у Бабур-а: *bag-a kirišti* и у Навои: *bag-a bašladi*.

Между тем имя действия на -тоқ в андижанском говоре самостоятельно не употребляется, и его можно найти лишь в приводимых С. Ибрагимовым формах настоящего-будущего времени на -тохта (*бэрмэхтэ-мэн* 'я похаживаю') и будущего желательного на -тохси (*бэрмэхчэ-мэн, бэрмэхчэсэн, бэрмэхчэ*) — из них последнее спрягается регулярно и употребляется чаще, чем первая форма (АШ, стр. 199, 214). Производных имени действия на -үи в говоре не отмечено; имеется производное -иуэси — от кыпчакского имени действия на -иу.

Итак, и в этой области расхождения могут быть объяснены не только эволюцией, но и инодиалектным, кыпчакским, воздействием (начинательная конструкция по кыпчакской модели).

Таким образом, представляется возможным говорить о значительной проницаемости морфологии андижанского говора для воздействия близкородственных грамматических систем. В этой связи должны быть учтены неоднократные миграции в среднеазиатское Междуречье — Мавераннахр — кочевых племен, в числе которых были кыпчаки. Наиболее интенсивных миграций насчитывается две. Одна из них происходила еще при Бабуре, в начале XVI века; другая относится к началу XVIII века. В результате этих миграций в Ферганской долине и в бассейне Зеравшана расселились компактные группы новых степных племен, среди которых количественно выделялись кыпчаки¹¹, причем именно в Андижанской области было сосредоточено более 80% ферганских кыпчаков, проживающих компактными группировками¹².

Этнографы подчеркивают, что пребывание компактных групп кыпчаков среди узбеков в течение четырех веков не могло не повлиять на жизнь и быт последних¹³. Это влияние не замедлило сказаться и в сфере языка. При значительной проницаемости андижанского говора естественно предположить появление в нем и других морфологических инноваций наряду с рассмотренными.

Таким образом, выясняется одна из причин отличия современного андижанского говора от средневекового говора населения Андижана, представленного в «Бабур-наме» и в прозе Навои. Эти два среза не могут быть идентичными не только по причинам, так сказать, внутреннеэволюционным, но еще и потому, что современный андижанский говор несет в себе заметные следы массивованных и разновременных воздействий кыпчакской языковой среды. Установлено к тому же, что «в наши дни „диалект“ имеет мало общего со средневековым...»¹⁴. Действительно, при наложении морфологической системы современного говора на ее, казалось бы, ретроспективный срез явственно положительные результаты не получаются.

¹¹ К. Ш. Шаниязов. Указ. раб., стр. 337.

¹² Там же, стр. 113.

¹³ Там же, стр. 337.

¹⁴ М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии. М.—Л., 1966, стр. 205. Подобные утверждения, разумеется, не исключают возможности ряда разрозненных схождений и совпадений на двух исследуемых срезах. Можно, например, привести случаи сохранения конструктивных архаизмов в современном андижанском говоре. Как и в языке Бабур-а и Навои, в сложных формах прошедшего времени вопросительная частица *ти* вклинивается перед спрягаемой связкой прошедшего времени: *бэрар-мъ-дъ-и, кегам-мъ-кын* (АШ, стр. 211, 245). Среди нескольких способов выражения числительных приблизительного счета два в андижанском говоре совпадают с теми, что

Другую причину несовпадений следует видеть в том, что Навои и Бабур сохраняли жизнеспособные компоненты книжно-письменной традиции предшествующей эпохи. Эти две причины (интенсивное кыпчакское воздействие, которое испытывал на себе андижанский говор с начала XVI века и сохранение ряда компонентов книжно-письменной традиции в прозаическом и особенно в поэтическом языке Навои и Бабура) гарантируют невозможность полного совпадения при наложении изучаемых срезов по всем параметрам.

Третью причину этого следует видеть в условности самого понятия единой диалектной базы средневекового письменно-литературного языка. Как установлено многочисленными новейшими исследованиями на материале многих разноструктурных языков, письменно-литературный язык обычно представляет собой продукт известного отвлечения от той или иной, хотя бы и доминирующей диалектной основы и не сводится к совокупности специфических признаков и черт данного территориального диалекта, на который этот письменно-литературный язык ориентирован¹⁵.

Тот качественно новый письменно-литературный язык, на котором писали свои прозаические сочинения Навои и Бабур, в отношении своей «диалектной базы» требует весьма осмотрительного и осторожного подхода. Во всяком случае, решению проблемы мало способствует положение с тем, что этот язык «отражал особенности живой речи XV века... ряда тюркоязычных племен Средней Азии»¹⁶; то же самое можно сказать и об утверждениях, что «узбекский литературный письменный язык... за последние 400 лет имел своей опорой ...ферганский диалект»¹⁷. Как нам представляется, ближе к истине А. М. Щербак, когда он пишет, что Навои и Бабур, как и другие литераторы, жившие в различных районах Мавераннахра, «сознательно ориентировались на некий общий, наддиалектный язык, стоявший ближе всего к диалектам Ферганы, но безусловно отличавшийся от любого из них»¹⁸ (разрядка наша. — Г. Б.). Автор разделяет так-

представлены в языке «Бабур-наме»: 1) присоединение аффикса -са непосредственно к количественному числительному (*бешча къишъ* 'человек пять', *кърьг-еллѣча* 'около сорока — пятидесяти'); 2) сочетание количественного числительного с послелогом *ѳоулиу* (*он чоғльгъ* 'приблизительно десять', *беш-он чоғлѣк къишъ* 'приблизительно пять — десять человек') (АШ, стр. 195). Склоняемые образования типа *сен-дақа-лѣр-нѣ* 'таких, как ты' в говоре (АШ, стр. 241) могут быть сопоставлены со случаями склонения местоимений и имен вместе с присоединившимся к ним аффиксом-послелогом *dek*: *sen-u tep-dek-lāg-gā* 'таким, как ты и я' в «Диване» Навои (рукопись, принадлежавшая В. М. Насилову, стр. 15, № 38) и *bu aq repig-dek-din* 'от того, что подобно белому сыру' (БН 370, = BN 2856a). Аффикс -liq, -liу, образующий на обоих срезах прилагательные, в андижанском говоре, как и в языке «Бабур-наме», может присоединяться к каждому из компонентов парного словосочетания, перевода, однако, при этом словосочетание в разряд прилагательных: *уй-лѣйг-жѣй-лѣг эдам* 'человек, имеющий дом (жилище) и семью' (АШ, стр. 184). В «Бабур-наме» парное словосочетание, оснащенное аффиксом -liq, остается в сфере существительного: *yalaba jamanliqlar bu ata-liq-u oуul-liq-tip zuhūrqa keldi* БН 97₁₃ 'много дурных дел произошло от этих отца и сына'. То есть здесь -liq выступает только как средство «синтаксического словообразования» (термин Н. К. Дмитриева).

Сохранение этих и подобных разрозненных конструктивных архаизмов в современном андижанском (как, впрочем, в любом другом говоре) вовсе не обязательно объяснять на генетической основе.

¹⁵ См., например: С. А. Миронов. Становление современной нормы литературного нидерландского языка. М., 1973, стр. 290.

¹⁶ И. А. Батманов. Вопросы формирования киргизского литературного языка. — «Труды Института языка, литературы и истории [Киргизского филиала АН СССР]». (V изд. т. III, 1952, стр. 16.

¹⁷ «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958, стр. 166.

¹⁸ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 222—223.

же концепцию Э. Р. Тенишева о выдающейся роли тюркских книжно-письменных койне в истории формирования и развития тюркских письменно-литературных языков средневековья¹⁹.

Какой же могла быть природа такого общего, наддиалектного языка? При решении этого вопроса надо иметь в виду в равной степени как собственно лингвистические факторы, так и социальные²⁰. В этом аспекте в цитированном высказывании Бабура привлекает внимание ссылка на то, что так по-тюркски говорили *šahar-u bazarisida* 'в городе и на городском базаре Андижана'. Это выражение, не однажды употребляемое применительно к Андижану, оказывается своего рода клише. В этой связи любопытны сведения о достаточно широком участии мастеров Ферганы (наряду с самаркандскими, бухарскими, хорезмскими ремесленниками) в торговле, связывавшей их и с кыпчаками-кочевниками²¹. Примечательно также, что, как указывает В. И. Асланов, в «*Fārhaṅ-i tūrki*» Мухаммеда Таги имеется такое сообщение: «люди казакские, узбекские и туркестанские называют людей Мавераннахра *arapīš*, то есть *bazarī* 'базарные'». Ремесленники Мавераннахра в XV — начале XVI века составляли столь значительный социальный слой, что специально для них писались поэтические сочинения. Бабур, перечисляя везирей султана Хусейна Байкары, сразу после Алишера Навои привел имя Сейфи Бухари — он тоже писал стихи, и им был составлен «диван, который он сочинил для всяких ремесленников»²².

Исходя из этих сведений и учитывая еще и то, что А. Ю. Якубовский характеризовал XV век как «расцвет феодального способа производства» в Средней Азии и связанной с ней экономически, политически и культурно восточной половине Ирана²³, можно судить о значительном развитии торговли в средневековом Мавераннахре и, в частности, на востоке его — в Андижане. Как указывал К. Маркс, «Занятие земледелием сохраняет старую племенную основу нации, она меняется в городах, где селятся чужеземные купцы и промышленники, так же как и коренное население тянется туда, где есть приманка наживы»²⁴. Растущие торговые связи способствовали расширению языковых контактов тюрков Мавераннахра.

Языковые данные о степени диалектной дифференциации рубежа XV—XVI веков в Мавераннахре историки языка извлекают из средневековых текстов по крупницам. Нельзя не учитывать свидетельства Навои и Бабура по этому поводу. Бабур, например, не раз упоминает «оседлые и кочевые племена, живущие в горах и степях к востоку и югу от Андижана» (БН Т, стр. 122, см. также стр. 44, 77), по-видимому, иноязычные или инодиалектные. Недвусмысленно высказался об этом и Навои: «В каждом селении люди говорят по-своему, у них есть свои обороты речи и выражения, которых нет у других» (Н СДЯ, стр. 108). Эти высказывания, как и историко-лингвистические данные, позволяют предположить до-

¹⁹ См.: Э. Р. Тенишев. О наддиалектном характере языка тюркских рунических памятников. — «*Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова». Л., 1976.

²⁰ См.: Н. А. Катагощина. Роль социальных факторов в процессе формирования и развития письменно-литературных языков. М., 1970 («Советская социалистическая ассоциация. Советский оргкомитет по подготовке VII Международного социологического конгресса»), стр. 12.

²¹ К. Ш. Шаниязов. Указ. раб., стр. 99.

²² «Бабур-наме». Ташкент, 1958, стр. 209.

²³ А. Ю. Якубовский. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры [АН СССР]», XXVIII. М.—Л., 1949, стр. 43.

²⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 12.

статочно осязаемую диалектную разобщенность тюрков Мавераннахра. В таком случае их торговые, деловые контакты обусловили формирование некоего культурного городского интердиалекта, который, по словам В. М. Жирмунского, «развивается путем последовательного устранения из местного диалекта его наиболее резких, первичных признаков, которые в первую очередь могли бы служить препятствием для языкового общения»²⁵.

Подобный интердиалект в известной мере, возможно, отражен в уникальном памятнике деловой речи Ферганы — в документе государя Ферганы султана Омар-Шейха, отца Бабура и современника Навои. Документ этот, опубликованный П. М. Мелиоранским исходил из андижанской канцелярии и датируется 1469 годом²⁶. По своей структуре язык его близок к языку «Бабур-наме». Если учесть, что даже в позднейшее время во многих среднеазиатских ханствах делопроизводство велось на персидском языке, то по документу Омар-Шейха, выполненному на тюрки, можно судить о том, как велик был престиж этого языка в тимуридских государствах XV века.

Допущение существования развитого делового и культурного собственно тюркского интердиалекта «в городе и на городском базаре Андижана» ставит также немаловажный в социолингвистическом отношении вопрос: почему именно андижанский интердиалект был взят за ориентир преобразователем письменно-литературного языка Алишером Навои, прожившим всю свою жизнь, в основном, в Герате и никогда не бывавшим в Андижане? Известно, что политический вес и престиж Самарканда был во всяком случае значительно выше, чем у Андижана: «Пока существует столица, подобная Самарканду, что может заставить человека губить время ради такого места, как Андижан?» — восклицал Бабур (БН Т, стр. 93). По тем временам Самарканд был крупным промышленным и ремесленным центром²⁷ с великолепными архитектурными сооружениями времен Тимура и Улугбека; между тем, Андижан, этот первый город среди городов Ферганы и третья по своей мощи крепость в Мавераннахре (после Самарканда и Кеша), «был основан, без всяких дворцовых сооружений, исключительно в интересах населения»²⁸. Как писал Бабур, «лучшая бумага в мире получается из Самарканда», а другой самаркандский товар — малиновый бархат — «вывозят во все края и страны» (БН Т, стр. 62). Показательно, что уже тогда у этого города была одна особенность, которая свидетельствует о высоком уровне развития торговли и «которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом» (БН Т, стр. 62). По словам В. В. Бартольда, в этот период в культурном отношении город претерпел знаменательное «превращение Самарканда Улугбека в Самарканд ходжи Ахрара»²⁹ и утратил прежний престиж. Во всяком случае, характерен следующий факт, сообщаемый Абд-ар-Раззаком Самарканди: гератский поэт Ариф в стихотворении, посвященном шейх-уль-исламу Бурхан эд-Дину, отъезжающему в Самарканд, писал, что «такого рода сладости трудно найти в Самарканде и Бухаре»,

²⁵ В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, стр. 571, см. также стр. 547, 550, 554, 555.

²⁶ П. М. Мелиоранский. Документы уйгурского письма Султана Омар-Шейха. — «ЗВОРАО», т. XVI, вып. I. СПб., 1905, стр. 5.

²⁷ См.: «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 43.

²⁸ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 105.

²⁹ Там же, стр. 103.

подразумеваемая под сладостями стихи³⁰. Тем не менее, все еще «естественно было ездить в Самарканд учиться из Андижана»³¹.

Навои бывал в Самарканде: во времена правления Абу-Саида он был вынужден покинуть Герат и поселиться в Самарканде³². В Андижане поэт не был, однако, в связи со своим пребыванием в Самарканде, упоминал двух учившихся в этом городе андижанцев³³. Нельзя согласиться с А. К. Боровковым, что для Навои это были всего лишь «случайные встречи с андижанцами»³⁴, этому противоречит и утверждение ученого о том, что поэт «затратил колоссальный труд на вдумчивое изучение родной речи своего народа»³⁵.

По-видимому, как раз собственно лингвистические факторы и определили выбор именно наречия городского населения Андижана. Отмечая, что жители Андижана — все тюрки, Бабур не зря подчеркивал, что в городе и на городском базаре «нет человека, который не знал бы по-тюркски» (БН Т, стр. 12). Между тем, по наблюдению Б. В. Чобанзаде, у аристократии тюркских народов с древних времен наблюдалась склонность к усвоению чужих культов и языков, поэтому тюркский язык в прошлом не стал господствующим в городах³⁶. Скорее всего, именно так обстояло дело с тюркским языком в Самарканде, где таджики жили большими группами, продолжая сохранять свой язык и свои этнические особенности³⁷. О широко распространенном двуязычии тюрков Мавераннахра, обусловленном тем фактом, что «эти два племени (тюрки и сарты. — Г. Б.) во всех своих поколениях сильно перемешаны друг с другом», писал Навои (Н СДЯ, стр. 110); последствия языковой интерференции в современных узбекских говорах, в том числе и Самарканда, исследовали Е. Д. Поливанов и А. К. Боровков. Опираясь на замечания Навои о том, что «у тюрков от мала до велика, от нукера до бека все пользуются сартским языком»³⁸ и, напротив, «среди сартского народа от подлого [ссловия] до благородного и от невежественного до ученого никто не понимает тюркского языка и не может говорить на нем» (Н СДЯ, стр. 110), можно предположить, что интердиалектом часто служил «сартский язык». Между тем, с давних пор для средневековых тюркских филологов были характерны четко выраженные пуристские позиции. Так, еще в XI веке Махмуд Кашгарский, классифицируя тюркские языки по признаку их «чистоты» и смешанности, категорически заявлял: «Язык тех, кто водится со знающими два языка горожанами, — порченый»³⁹.

Точно так же и Алишеру Навои, по-видимому, не могли быть чуждыми в известной мере пуристские устремления: в поисках ориентира для

³⁰ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 361.

³¹ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 125.

³² «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, стр. 365.

³³ В. В. Бартольд. Указ. раб., стр. 106.

³⁴ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 99. Кстати, с уроженцами Андижана поэт, видимо, общался не только в Самарканде, но и в Герате, — к примеру, садр Султан Хусейна Мирзы — Мир Сар-и барахна, был уроженцем одной из деревень Андижана, причем это был даровитый и красноречивый человек, не чуждый литературной деятельности, а «среди людей науки и поэтов Хорасана его суждения и слово имели значение и считались основательными» (БН Т, стр. 204). Из Ферганской области происходил Юсуф Бадии, недурно сочинявший касыды и принадлежавший к гератскому культурному кругу (БН Т, стр. 210).

³⁵ А. К. Боровков. Указ. раб., стр. 97.

³⁶ Цитируется по работе: А. Самойлович. [Рец. на кн.] «Неваи. Сборник Азербайджанского литературного общества». — В сб.: «Мир-Али-Шир», стр. 168.

³⁷ Ср.: «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 49.

³⁸ «Сартским языком» (sart tili) Навои именует устную речь иранцев, в том числе и таджиков; их письменно-литературный язык он называет «farsi».

³⁹ Цитируется по работе: А. Н. Кононов. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугатит-турк». — «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 14.

макроструктуры обновляемого им письменно-литературного языка он отбирал именно «чистый тюркй». В своих размышлениях о тюркской речи он говорит: «И явился мне цветник, в котором цветы блистали ярче небесных светил. В тайник этот не ступал никто, и он был чист, а россыпи сокровищ его были защищены от прикосновения чужих рук» (Н СДЯ, стр. 124). Сравните у Махмуда Кашгарского: «Самым чистым и правильным языком является язык тех, кто знает только один язык, кто не смешивается с говорящими на иранских языках, кто не бывал в чужих краях»⁴⁰. Таким «защищенным от прикосновения чужих рук» «чистым тюркй» мог быть признан избежавший явных смешений с «сартским языком» собственно тюркский интердиалект города Андижана.

Для прояснения всех этих весьма сложных вопросов было бы чрезвычайно важно найти другие деловые документы XV — начала XVI века на тюркй. Лингвистическое изучение подобных документов в сопоставлении с прозаическими сочинениями Бабур и Навои могло бы поставить гипотезу об андижанском городском интердиалекте на реальную почву⁴¹.

Но одно ясно уже и сейчас: языковая реформа, произведенная Навои и Бабуром, отражала, с одной стороны, возросший социальный авторитет обиходного и делового тюркй, а с другой — тенденцию к концентрации местных диалектов⁴², в результате чего достаточно четко обозначилось их грамматическое ядро. Одну из существенных составляющих этого грамматического ядра — падежное склонение карлукского (современного уйгурско-узбекского) типа — можно установить, воспользовавшись методом наложения и квалифицируя грамматически ограниченную вибрацию родительного-винительного падежа -i ~ -ni как явление более позднего, кыпчакского происхождения. Можно с уверенностью утверждать, что склонение этого типа было присуще средневековым городским говорам и объединявшему их интердиалекту оседлых тюрков Мавераннахра.

Итак, совокупность методических приемов изучения памятников литературно-письменного языка в сочетании с корректировкой их данных диалектными показаниями позволяет получить ценные сведения для исторической грамматики.

⁴⁰ Цитируется по работе: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 14.

⁴¹ Возможно, указание на существование интердиалекта (или: одного из интердиалектов) содержится в сообщении о том, что перу Сейфи Бухари принадлежит «диван, который он сочинил для всяких ремесленников» (БН Т, стр. 209). Можно думать, что предназначение этого дивана сказалось не только на его содержании и системе образов, но также и на его языке.

⁴² См.: В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 29.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1976

Х. Д. ДАНИЯРОВ

ОБ ЭТАПАХ ФОРМИРОВАНИЯ СТАРОУЗБЕКСКОГО ПИСЬМЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ОБ УЧАСТИИ КЫПЧАКСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Многие ученые (А. Н. Самойлович¹, В. М. Жирмунский², М. Ш. Ширалиев³, Г. А. Юнусов⁴, Э. Н. Наджип⁵ и другие) высказывали предположение, что в формировании староузбекского литературного языка значительную роль, наряду со староуйгурским литературным языком, в особенности карлуко-чигильскими и огузскими диалектами, сыграли кыпчакские диалекты. По мнению этих ученых, большое влияние на староузбекский литературный язык оказал и оформившийся в XIII—XIV веках на территории Золотой Орды кыпчакско-огузский литературный язык. О кыпчакских элементах в староузбекском языке (в частности, о джеканы) впервые еще в 1930 году писал А. Н. Самойлович⁶. Он отмечал, что джеканы весьма заметно проявляется в литературных произведениях, написанных на староузбекском языке, в частности, и в произведениях Алишера Навои. В эти же годы исследованием влияния джекающих диалектов на староузбекский литературный язык занимался профессор Гази Алим⁷. Об активном участии кыпчакских элементов в формировании староузбекского литературного языка позднее писал и В. М. Жирмунский⁸.

Несмотря на приведенные высказывания ряда ведущих тюркологов, вопрос о формировании староузбекского литературного языка и о степени участия в этом процессе кыпчакских диалектов до сих пор окончательно не решен, ибо всесторонним изучением этой проблемы еще никто не занимался. Многие вопросы, связанные с историей формирования литературного языка, на котором писали Навои и его старшие и младшие современники, требуют дальнейшего выяснения и уточнения. Не случайно высказывания ученых по этим вопросам подчас противоречивы.

Проблема формирования староузбекского литературного языка неразрывно связана с именем Алишера Навои. Все узбековеды едино-

¹ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: «Мир Али-Шир». Л., 1928, стр. 1—23.

² В. М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — «Тюркологический сборник». М., 1966.

³ М. Ш. Ширалиев. Озарбайжон тилида кыпчак элементлари. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1961, № 6.

⁴ Qazi Alim. Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba, Oздavnaşr. Taşkent, 1936.

⁵ Э. Н. Наджип. Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. М., 1965.

⁶ Əkdimitik Samajlivos. Saotataj ədəbij tilidə «Çoqşylq» unsurlary. — Журн. «Ilmij fikr». Samargand—Taşkent, 1930.

⁷ Qazi Alim. Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba.

⁸ В. М. Жирмунский. О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов. — «Тюркологический сборник». М., 1966, стр. 60—61.

душны в том, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка. В то же время узбекские ученые разделяют существующую в науке точку зрения о том, что формирование староузбекского литературного языка происходило в XIII веке. Ряд ученых полагает даже, что этот процесс следует отнести к XI веку, так как именно в XI веке были созданы такие крупные литературно-художественные произведения, как дидактическая поэма «Кутадгу билиг» Юсуфа Хос Ходжиба и знаменитый «Словарь тюркских языков» Махмуда Кашгари, включающий более трехсот двустий, основная часть которых, вне всяких сомнений, взята автором из уже существовавшей в то время письменной литературы.

Мы не разделяем последнюю точку зрения, ибо язык этих произведений нельзя считать исключительно узбекским. Литературные памятники, созданные на этом языке, принадлежат всем тем народам, которые в тот период жили на современной территории Узбекистана, Восточного Туркестана и Семиречья, то есть на территории всей Средней Азии и даже за ее пределами. Следовательно, литературный язык, на котором созданы эти памятники, — общее достояние узбеков, уйгуров, казахов, туркменов, каракалпаков, киргизов, азербайджанцев и ряда других народов.

Следует согласиться с теми учеными, которые считают, что староузбекский язык окончательно оформился в XIII веке, ибо литературный язык XIII—XIV веков поражает своей близостью к современному общенародному узбекскому разговорному языку. Это вовсе не противоречит тому, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка, хотя и требует соответствующего разъяснения. Наши наблюдения убедительно указывают на то, что язык предшественников Навои являлся вполне оформившимся литературным языком, близким к общенародному узбекскому языку, а также к карлуко-чигильским, кыпчацким и огузским диалектам, которые составляют три основные (корневые) ветви узбекского языка. В этом отношении особо следует отметить язык старших современников Навои, таких, как Хорезми, Дурбек, Лутфи (в особенности), Саккаки, Амири, Ходжанди, Атаи и др. Лирические стихи и поэмы этих поэтов отличаются высокой художественностью и светским содержанием, а их язык весьма близок к общенародному. В нем ярко выражены кыпчацкие элементы и в меньшей степени, нежели для языка Навои, характерны для него архаизмы и арабо-персидская лексика, что сближает его с современным узбекским литературным языком.

Вместе с тем следует отметить, что язык газелей Мухаммада Шайбани мало чем отличается от языка Алишера Навои. То же самое можно сказать и о языке таких поэтов, как Захир-ад-дин Мухаммад Бабур, Мухаммад Салих, Нишати, Мухаммад Хаксар, Огахи, живших несколькими веками позже Навои. Их в полном смысле слова можно считать последователями и учениками Навои не только в области литературного творчества, но и — языка. Язык же Машраба, Надира Бегим, Увайси в некоторой степени отличается от языка поэтических произведений Навои своей простотой и еще большей близостью к разговорному языку. В языке поэтов второй половины XIX — начала XX века, таких, как Мукуми, Фуркат, Махмур и Аваз Утар, заметно проявляется влияние сложных конструкций языка Навои.

Сказанное убеждает нас в том, что староузбекский литературный язык оформился до Навои. Однако именно в произведениях Алишера

Навои этот язык оформился окончательно. Благодаря Навои он стал литературным языком не только узбеков, но и ряда других народностей, проживавших на территории Средней Азии и за ее пределами, в том числе и в Золотой Орде, основную часть населения которой составляли кыпчакские племена.

Навои является, таким образом, основоположником староузбекского классического литературного языка, на котором созданы его бессмертные произведения, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Великая заслуга Навои заключается в том, что сложившийся до него староузбекский литературный язык он поднял в художественном отношении до уровня арабского и персидского языков, считавшихся самыми разработанными и совершенными литературными языками той эпохи. Расширив художественно-изобразительные возможности узбекского литературного языка, развивая и совершенствуя его поэтические формы, Навои создал органический сплав из литературных языков различных тюркоязычных народностей и племен, проживавших на огромной территории Средней Азии, составивший основу единого литературного языка, которым с успехом пользовались все эти народности и племена.

Ни до, ни после Навои никто не сыграл столь значительной роли в создании литературного языка, и в этом смысле Навои является основоположником староузбекского классического литературного языка, который после Навои в течение нескольких столетий оставался почти неизменным.

Как уже отмечалось выше, язык Лутфи в известной степени проще и доступнее современному читателю-узбеку, нежели язык Алишера Навои, изобилующий арабо-персидскими словами и конструкциями.

Это, как нам кажется, объясняется отчасти тем, что после смерти Навои в Среднюю Азию хлынули племена узбеков-кыпчаков, впоследствии смешавшихся с местным населением и оказавших влияние на его язык. Тот же факт, что язык предшественников Навои, то есть литературный язык XIII—XIV веков значительно ближе к современному узбекскому языку, чем язык великого поэта, объясняется, видимо, еще и тем, что в его произведениях находили свое выражение весьма сложные теоретические, научные и философские вопросы того времени, требовавшие значительного расширения выразительных средств языка по сравнению с языком XIII—XIV веков. Очевидно, сказалось и влияние литературных традиций той среды, в которой жил и творил Навои.

По-видимому, определенное влияние на язык Навои оказало и полученное им арабо-персидское образование, особенно сильно сказавшееся на раннем периоде его творчества. В последующем Навои все больше стремился к использованию огромных возможностей родного языка. В его научном трактате «Муҳокаматал-луғатайн» приводится много слов, терминов и даже прагматических форм, восходящих к кыпчакским диалектам.

Сопоставляя в своем трактате возможности староузбекского литературного языка с другими, более развитыми письменными языками своего времени, Навои обращался к неосвоенным пластам родного языка и, в первую очередь, к его народной основе — кыпчакским диалектам. Этим и следует объяснить тот факт, что среди материалов «Муҳокаматал-луғатайн» больше кыпчакских элементов, нежели в других произведениях поэта. К ним относятся такие слова (формы), как *boquvva*, аффикс понудительного залога на *-t*, аффикс взаимного залога на *-š*, термины родства, слова-термины *ijar* 'седло', *kalrak* 'тюбетейка', *aq yit* 'белая юрта', *žigka* 'дикая утка', многие имена, названия лошадей, птиц, одежды, принадлежностей конской сбруи, юрты и другие.

Возможно, что старшие современники Навои, Хорезми и Лутфи в большей мере испытали влияние кыпчакско-огузского литературного языка, сложившегося в низовьях Сырдарьи в XIII—XIV веках, и потому их язык ближе к современному узбекскому литературному языку, на формирование которого кыпчакские диалекты оказали более активное воздействие, нежели на староузбекский литературный язык Навои.

Как известно, младший современник Алишера Навои Захир-ад-дин Мухаммед Бабур в своем известном произведении «Бабурнаме», описывая Андижан, отмечал: «Не встретишь никого в городе или на базаре, кто не знал бы тюркского языка. Разговорный язык тот же, что и литературный. Характерно, что сочинения Алишера Навои написаны на андижанском наречии, хотя он и жил в Герате»⁹.

Мнения по этому поводу виднейших историков и филологов, таких, как В. В. Бартольд, А. Н. Самойлович, А. К. Боровков, А. Ю. Якубовский, Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский и других, не всегда совпадают. Общепризнанным же является лишь то, что Алишер Навои никогда не жил (возможно, даже и не бывал) в Андижане.

А. Н. Самойловичем было высказано предположение, что язык Алишера Навои является среднеазиатским литературным языком¹⁰.

Мы разделяем точку зрения А. Н. Самойловича и полагаем, что в формировании языка Алишера Навои, ставшего впоследствии на протяжении пятисот лет литературным языком всей Средней Азии, участвовали почти все диалекты и наречия этого региона. Из их числа наиболее близким поэту был андижанский говор, что в свое время отметил и Бабур. Как нам кажется, это находит подтверждение в высказывании самого Алишера Навои:

Агар бир кавм, гар юз, йўкса мингдур,
Муайян турк улуси худ мингдур.
Олибмен тахти фармонимга осон
Черик чекмай Хитодин то Хуросон.
Хуросон демаким, Шерозу Табриз,
Ки қилмишдур найи қилжим шакаррез.
Қўнгул бермиш сўзумга турк, жон ҳам,
Не ёлғуз турк, балким туркмон ҳам¹¹.

‘Все тюркские племена, независимо от того,
йүз они или минг,

Принадлежат мне.
Легко завоевывал я (без всяких войск, силой своего пера)
Границы, начиная от Китая до Хорасана.
И не только до Хорасана, а также до Шераза и Тебриза.
Душой и сердцем слушают мои слова все —
И тюрк и (азербай)джан, и туркмен’.

Или:

Турк назмида мен чу тортиб алам,
Айладим ул мамлакатни яккалам¹².
‘Трудясь в области тюркской поэзии,
Я объединил эту страну под одним пером’.

Таким образом, все перечисленные выше доводы позволяют утверждать, что в становлении староузбекского письменно-литературного языка, как и в формировании языка Алишера Навои, кыпчакским языковым элементам принадлежит более активная роль, нежели это принято было считать до последнего времени.

⁹ Бобир. «Бобирнома». Тошкент, 1960, стр. 60.

¹⁰ А. Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: «Мир Али-Шир». Л., 1928, стр. 4—6.

¹¹ Алишер Навоий. Асарлар, т. VII, стр. 414.

¹² Там же, т. II, 1966, стр. 238.